

«Есть у Революции начало...»

Рецензия. на книгу: Бабашкин В. В. (2024). История России. Крестьянская революция 1902–1935 гг.: закономерности и особенности отечественной модернизации: учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Лань. 204 с. ISBN 978-5-507-48967-1

П. С. Кабытов, Н. Н. Кабытова

Пётр Серафимович Кабытов, заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева. 443036, Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

Надежда Николаевна Кабытова, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева. 443036, Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-4-323-333

В 2024 году Санкт-Петербургское издательство «Лань» опубликовало учебное пособие доктора исторических наук, профессора кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Владимира Валентиновича Бабашкина. Это второе издание, которое автор переработал с учетом новейшей научной литературы (первое вышло в свет в 2007 году)¹. Оно стало основой докторской диссертации, которая была защищена в 2010 году². Бабашкин рассматривает крестьянскую революцию в России на протяжении длительного периода. Формулируя свою концепцию, автор в исследовательский инструментарий включает многофакторный анализ и междисциплинарный подход.

-
1. Бабашкин В. В. (2007). Россия в 1902–1935 гг. как альтернативное общество: закономерности и особенности отечественной модернизации. М.: Изд-во РГАЗУ.
 2. Бабашкин В. В. (2010). Закономерности и особенности российской модернизации в 1902–1935 гг.: опыт применения теоретических концепций развития крестьянских обществ. Автореф. дисс. ... д.и.н. Тамбов.

Структура книги состоит из введения, трех глав, заключения и краткого списка литературы. Во введении даны схемы восприятия исторического прошлого России, авторы которых пропагандируют разрыв между имперским и советским периодами. Отрицают преемственность и целостность исторического процесса нашей страны и современные российские либералы. Уже во второй половине 1980-х годов в научной и учебной литературе стала популярна либерально-рыночная схема российской истории, претендующая на роль государственной идеологии. В ее основе — тезис о разрыве между советским и современным периодами отечественной истории: до 1917 года Россия развивалась так же, как и страны Запада, но это развитие было прервано большевиками и «теперь должно быть восстановлено» (с. 7). Бабашкин же считает, что как научно-коммунистическая, так и либеральная схемы неверно отражают историческую реальность. Он предлагает свою схему отечественной истории первой трети XX века и пишет о непрерывности российского исторического процесса. Поскольку в первой трети XX века «продолжалась Россия как огромная крестьянская страна» (с. 8), в которой крестьянская революция совершалась одновременно с модернизацией, то именно с этой точки зрения он предлагает рассматривать революции и реформы, Гражданскую войну, нэп и коллективизацию.

В первой главе представлены теоретические аспекты проблемы. Историографический анализ ведется через призму правительственной аграрной политики и взглядов представителей общественного движения, а также трудов ученых по аграрной истории второй половины XIX–XXI веков. Автор реконструирует полемику между славянофилами и западниками, а во второй половине XIX века — между народниками и марксистами о сущности и исторических судьбах российской крестьянской общины. В этой полемике участвовали и представители имперской власти. Так, С. Ю. Витте инициировал созыв Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, на заседаниях которого обсуждался вопрос о судьбах сельской общины. Бабашкин пишет о взглядах представителей как консервативно-охранительного направления, видевших в общине опору самодержавия, так и радикально-революционного течения, рассматривающих ее как основу социализма. Но и те и другие считали ее тормозом в развитии аграрного сектора страны.

Бабашкин согласен с выводами редакторов первого выпуска научного альманаха «Крестьяноведение» (1996 г.), полагавших, что цикл многообразных исследований крестьянской общины, проведенных «земскими организациями, Вольным экономическим обществом [сюда же добавим Московское общество сельского хозяйства. — *Авт.*] и Русским географическим обществом, создали мощную основу как для конкретного анализа, так и для теоретического осмысления сельской жизни» (с. 13). Труды А. Васильчикова, А. Энгельгардта, А. Ефименко, В. Воронцова, Ф. Щербины,

А. Чупрова, Н. Черненкова, Н. Каблукова, А. Кауфмана, П. Румянцева, а также лидеров организационно-производственного направления заложили основу русского крестьяноведения.

Анализируя исследования советского периода, автор делает вывод, что в 1920-е годы были достигнуты существенные успехи в разработке теоретических аспектов аграрной истории. К сожалению, в книге отсутствует упоминание работ С. М. Дубровского и других историков о крестьянском движении в начале XX века. В основном он фокусируется на значении научных трудов А. В. Чаянова, который пропагандировал кооперативное движение и принцип научного регулирования государством естественных тенденций экономического развития и выступал за многоукладную экономику, однако установлено, что его идеи, воспринятые Н. И. Бухариным и А. И. Рыковым, не были реализованы властью в связи с индустриализацией и коллективизацией.

Историографическая ситуация в СССР изменилась во второй половине 1950-х годов. Возникли научные советы АН СССР по различным актуальным проблемам, стал функционировать Аграрный симпозиум по истории Восточной Европы. В 1958 году ученые Института истории АН СССР инициировали подготовку двухтомной монографии об истории коллективизации в СССР. Автор в книге анализирует дискуссию об особенностях аграрного строя России и возникновение неформального объединения «новое направление» в советской исторической науке. Однако такие проекты, как двухтомная история коллективизации, научная разработка истории крестьянской общины, не вписывались в официальную концепцию советской истории, а потому не были реализованы. Всплеск интереса к актуальным проблемам аграрной истории был притуплен, а концепции лидеров «нового направления» подверглись острой критике и сопровождались вплоть до 1990-х годов ростом числа препятствий со стороны партийных и административных структур, например, В. П. Данилову и И. Е. Зеленину в их попытках издать монографию о коллективизации. Негативное отношение было и к работам А. М. Анфимова. Одновременно Бабашкин высоко оценивает вклад в разработку истории русской поземельной общины М. М. Громыко, Б. Н. Миронова, П. Н. Зырянова, подчеркивая значимость их концепций.

Историографическая ситуация вновь изменилась во второй половине 1980-х и в 1990-е годы, когда резко возрос интерес к истории России со стороны публицистов и представителей гуманитарного знания, включившихся в дискуссии о выборе путей общественного развития страны, о реформаторской деятельности П. А. Столыпина. К числу достижений Бабашкин относит сотрудничество российских историков с зарубежными учеными, которое придало мощный импульс изучению проблем аграрной истории. Он подчеркивает значимость проведения теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», на заседаниях которого отече-

*П. С. Кабытов,
Н. Н. Кабытова*
«Есть у Революции
начало...»

ственные ученые совместно с иностранными коллегами «обсуждали общетеоретические подходы к истории аграрных обществ, которые существуют на Западе...» (с. 24–25). Публикация материалов семинара в журнале «Отечественная история», переводов на русский язык работ зарубежных крестьяноведов и издание альманаха «Крестьяноведение» стимулировало российских историков-аграрников к освоению новых исследовательских практик.

Значимым достижением автора можно считать анализ зарубежных трудов по аграрной истории России. Он установил, что изучение истории российского крестьянства велось с подачи русских специалистов, эмигрировавших в США. Так, он анализирует научные труды Г. Хантера, ученика Н. Ясного, который в соавторстве с Р. Ширмером создал модель альтернативной социально-экономической истории СССР 1920–1930-х годов (с. 26). Их монография «Негодные основы» подверглась жесткой критике со стороны Р. Кэмпбелла, Р. Дэвиса, С. Коэна, М. Левина.

Автор позитивно оценивает работы Р. У. Девиса и С. Г. Уиткрофта, исследовавших советский аграрный кризис 1931–1933 годов (с. 27). Уделено внимание и анализу вопросов, связанных с реализацией Столыпинской аграрной реформы, крестьянской культурой, крестьянской общиной (с. 28). Хотя Столыпинскую аграрную реформу они рассматривают с позиций, противоположных советской историографии, их выводы во многом совпадают с концепциями российских историков и публицистов 1990-х годов. К числу достоинств Бабашкин относит то, что труды зарубежных историков написаны на обширной источниковой базе, в которую включена художественная литература. Автор оценил также теоретические выводы о коллективизации американского историка и социолога Г. Динерстайна, для которого «коллективизация действительно оказалась событием революционного значения для огромного большинства населения страны» (с. 31).

Бабашкин согласен с тезисом М. Левина о том, что «само российское крестьянство составляло важнейший фактор первой российской модернизации XX века, без изучения которого невозможно адекватное представление о ее сути и внутренней логике» (с. 33).

Бабашкин обращает внимание на концепцию Т. Шанина, выделявшего три варианта развития российской деревни, которые представляют, по сути, трансформацию общества от аграрного к аграрно-индустриальному и индустриальному (с. 44).

Он также упоминает труды Р. Редфила, считавшего, что «крестьянское общество и культура обладают некоторыми родовыми признаками. Этот тип обустройства людей, обнаруживающий какое-то сходство по всему миру» (с. 40).

Бабашкин анализирует монографию Дж. Скотта «Моральная экономика крестьянства», зафиксировавшую явления, характерные как для крестьянских обществ Юго-Восточной Азии, так и для русской крестьянской общины, о которой богатейшая историче-

ская информация содержится в книге А. Н. Энгельгардта «Из деревни» (с. 56).

Другой американский историк Д. Филд в книге «Повстанцы во имя царя» пишет о том, что миф о царе позволял русским крестьянам избегать столкновения с властью, а власти не запускать механизм репрессий во время протестных действий крестьян. Здесь же представлен концептуальный подход к восстаниям Э. Вульфа, который в монографии «Крестьянские войны двадцатого столетия» говорит о сходстве аграрных обществ Индии, Китая, Турции, России, Мексики. Общим было то, что в этих государствах модернизация сопровождалась «крестьянскими выступлениями общенационального масштаба и огромной внутренней солидарности» (с. 58). Анализ современных зарубежных концепций аграрного развития, таким образом, позволил Бабашкину представить новое видение закономерностей и особенностей отечественной модернизации в первой трети XX века.

Во второй главе прослеживаются закономерности и особенности отечественной модернизации. Автор солидаризуется с мнением В. П. Данилова о том, что Русская революция, начавшаяся в 1902 году, не завершилась и в 1922 году, поскольку «завершается ее крестьянский этап, но на новый круг выходит этап политический» (с. 65). Здесь же автор формулирует свое представление о характере модернизации в России в период новой экономической политики и коллективизации, подчеркивая, что она проходила в крестьянской стране, и на ее ход воздействовали эволюционные и революционные процессы в сфере внутриобщинных отношений и отношений крестьян с внешним для общины миром (с. 66).

Касаясь предпосылок аграрной революции в России, автор приводит традиционные взгляды российских историков о причинах восстаний в 1902 году. На наш взгляд, утрата «в глазах крестьянства помещиками (вообще крупными земельными собственниками) морального права владеть землей» (с. 75) произошла потому, что владельцы латифундий, превратившихся в агрофирмы, перестали сдавать землю крестьянам в аренду. На масштабы восстаний повлиял и такой фактор, как заразительность, когда в восстаниях участвовали крестьяне нескольких волостей. Действенным инструментом являлись поджоги помещичьих усадеб. Крестьяне мотивировали эти действия тем, что в случае уничтожения усадеб помещики не смогут возвратиться в свои имения. Но главное все же состояло в том, что и власть, и дворяне реально увидели: община фактически стала организатором крестьянских восстаний.

Бабашкин далее пишет о том, что имперская власть осознала необходимость помимо продолжения карательных действий приступить к реформированию аграрного строя. Он приводит сведения о таких мероприятиях имперской власти, как создание Редакционной комиссии Министерства внутренних дел, созыв Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, отме-

*П. С. Кабытов,
Н. Н. Кабытова*
«Есть у Революции
начало...»

на круговой поруки при уплате налогов. Установлено, что в 1905–1907 годах правящая элита просто «обречена была на вывод о необходимости скорейшего и необходимого слома институтов общинной организации крестьянства» (с. 78). Крестьяне же на практике убеждались в эффективности общины, которая организовывала крестьян на борьбу против помещиков. Бабашкин характеризует деятельность Всероссийского крестьянского союза, Трудовой фракции депутатов в Государственной Думе и акцентирует внимание на вопросе «кто кого вел» в Русской революции XX века. Но все-таки здесь можно было бы привести данные о масштабах и формах аграрного движения.

Теоретические выводы Бабашкина о реализации Столыпинской аграрной реформы отличаются от концептуальных воззрений советских историков. Речь идет о том, почему деревня отвергла Столыпинскую реформу. Автор солидаризуется с Э. Вульфом в том, что сопротивление крестьян власти усиливается, а процесс их самоорганизации приобретает новые качественные изменения. Автор подчеркивает отличие от столыпинской политики проекта министра финансов И. Х. Бунге, предусматривавшего постепенный переход к рыночной экономике, при реализации которого обеспечивалась бы социальная защищенность населения. Но в условиях аграрной революции начала XX века власть приступила к форсированным методам проведения модернизации деревни. Бабашкин выявляет факторы, влиявшие на реакцию крестьян в связи с реализацией Столыпинской аграрной реформы, которая разрушала общины и создавала в деревне слой новых земельных собственников, приобретавших экономическую свободу: право свободно распоряжаться земельной собственностью. Но это противоречило традиционным представлениям крестьянского мира. «Общинное уравнительно-передельное чересполосное владение землей, — отмечает автор, — отвечало базовому представлению большинства крестьян о справедливости и было освящено обычным правом» (с. 89). Добавим от себя также инерцию крестьян жить по старине — как деды и прадеды, а потому главная функция общины сохранялась и обрела в условиях реформы новое значение: защиту от посягательств на права крестьян со стороны власти.

Новым можно считать вывод автора о том, что в этот период «прибавились элементы партизанской войны против капиталистических (или же напоминающих капиталистические) тенденций в собственном деревенском развитии, представленных столыпинскими выделенцами» (с. 93). В книге приведены сведения о масштабах сопротивления крестьян, географии протестных выступлений и их направленности. «Можно в определенном смысле сказать, что она [борьба крестьян. — *Авт.*] была направлена против капитализма в сельском хозяйстве» (с. 106). И там же он формулирует вывод, что на разных этапах аграрной революции «русские крестьяне с применением всех видов оружия слабых боролись против пре-

вращения земли в предмет купли-продажи, рыночной спекуляции» (с. 100). А потому в российской деревне была одна война: концепция двух социальных войн для Бабашкина не актуальна. Но это далеко не так.

Завершает вторую главу параграф, в котором анализируются взаимоотношения крестьян и власти в период Гражданской войны в России. Но вначале автор попытался дать ответ на вопрос, почему кризис, разразившийся в начале 1917 года, оказался фатальным не только для российского самодержавия, но и «для всех других организованных политических сил, рвущихся к власти, за исключением большевиков» (с. 103). Он утверждает: «...именно революционное крестьянство вознесло большевиков к вершинам власти в 1917 году» (с. 103). Далее автор дает краткий очерк революционного процесса в 1917 году, но все же можно было бы показать масштабы массового аграрного движения, которое, по мнению В. М. Бухараева и Д. И. Люкшина, представляло не что иное, как общинную революцию, в ходе которой крестьяне выступали за ликвидацию помещичьего землевладения, за возвращение в общину земель хуторян и отрубников. Обоснованно звучит вывод автора о том, что аграрное движение в 1917 году «принимало такой размах и такие формы, что гражданская война становилась неизбежной» (с. 111).

Свою лепту автор вносит и в дискуссию о периодизации Гражданской войны в России. По его мнению, точкой невозврата стал Декрет о Земле (с. 119). Он также полагает, что нельзя переоценивать роль комбедов в решении продовольственной проблемы. Комбеды власть упразднила в конце 1918 года, так как «общины и местные Советы стали противодействовать методами тихого сопротивления: в комбеды направлялись крестьяне, не желавшие портить отношения с зажиточными крестьянами» (с. 121). Историк акцентирует внимание на деятельности продотрядов в деревне, крестьянских восстаниях, подчеркивая, что «против советской власти восставшие ничего не имели, так как форма местного самоуправления — Советы — вполне устраивала крестьянство» (с. 125).

В третьей главе речь идет о нэпе и коллективизации как завершающем этапе крестьянской революции в России. Одна из новаций в освещении модернизационных процессов — концентрация внимания на качественных изменениях правового регламентирования отношений власти и крестьянства. В этой связи напомним читателям о значении решений X, XI, XII партийных съездов, Земельного кодекса 1922 года, по существу, отменившего «социалистическое» земельное законодательство 1918–1920 годов, Декрета ВЦИК и СНК от 10 мая 1923 года, а также Манифеста ЦИК СССР, провозглашенного в связи с 10-летием советской власти (этот документ освободил от сельхозналога 33% крестьянских дворов). Позитивную роль в укреплении доверия между властью и крестьянством сыграла и денежная реформа. Согласимся с выводом автора о том, что «передача всей земли фактически в общинное пользование и подобная

*П. С. Кабытов,
Н. Н. Кабытова*
«Есть у Революции
начало...»

налоговая политика в деревне, отвечающая базовым представлениям общинников о справедливости и равенстве, способствовали изменению отношения сельских жителей к центральной власти с резко негативного, характерного для Гражданской войны, на в целом позитивное» (с. 132–133). Судя по письмам крестьян в журнал «Крестьянка» и «Крестьянскую газету» в период нэпа, большинство корреспондентов воспринимали власть как свою, народную. А сама власть на начальном этапе нэпа, разрабатывая аграрное законодательство, вынуждена была учитывать реально существующие порядки и установления, «имея поучительный опыт предшествующей поры, когда крестьяне применяли самые разнообразные средства обыденного сопротивления из арсенала “оружия слабых”, сводя на нет вводимые сверху неугодные порядки» (с. 143).

Установлено, что в 1920-е годы архаика прежнего периода крестьянами была успешно преодолена. В доказательство этого приведены сведения о воздействии кооперативного движения на эволюцию крестьянских хозяйств (с. 139). Анализируя социальную структуру российской деревни, автор пишет, что к 1927 году на долю мелких крестьянских единоличных хозяйств приходилось 110,1 млн га, или 98% всех посевных площадей. В колхозах насчитывалось 0,6% посевов, в совхозах — 1,4% (с. 143). К 1926/27 году среднее крестьянство по такому показателю, как посевная площадь, составляло 71,9%, тогда как зажиточных хозяйств насчитывалось 3,7% (с. 140).

В книге акцентируется роль Земельного кодекса РСФСР, а затем Нормального устава земельного общества 1926 года, в которых было оформлено правовое пространство функционирования земельных обществ. В этих законодательных актах явно просматривается разграничение функций сельского совета и общины. Автор, опираясь в том числе и на новейшую литературу, констатирует независимость сельской общины, которая проявлялась при разделе крестьянских дворов. Все это свидетельствует о том, что в 1920-е годы крестьянская община «действительно оказалась победителем в российской революции, и ей удавалось пользоваться основными плодами этой победы на протяжении периода нэпа» (с. 146). Но мы бы назвали это пирровой победой.

Анализируя экономические, политические и культурно-психологические предпосылки коллективизации, Бабашкин оперирует различными теоретическими концепциями российских и зарубежных ученых, а также описывает различные оценки позитивных и негативных итогов коллективизации. Так, В. П. Данилов сожалел о вынужденном умолчании в годы сталинизма, а затем застоя о том, что вклад деревни в общественное развитие мог быть намного значительнее и не стоить ей так дорого. По мнению американского историка М. Левина, реальность альтернативного политического курса была не столь высока, но все же она существовала. Автор приводит также концепции американского экономиста Г. Хантера, создателя мо-

дели альтернативной экономической истории СССР конца 1920-х — начала 1940-х годов. В книге упоминается о том, что подобную математическую модель в новейшее время создал Л. И. Бородкин. В противовес многим историкам В. В. Бабашкин разделяет мнение В. В. Кабанова, который считал, что нэпу мог быть противопоставлен только один метод — а-ля «военный коммунизм», сравнительно более мягкий, но все-таки довольно жесткий (с. 150).

В числе экономических причин нэпа автор выделяет тормозящее воздействие общинно-крестьянского производства в самом крупном секторе народного хозяйства на динамику экономического развития страны в целом (с. 152). Большое значение для развития экономики страны имел вопрос о том, кем и в каком количестве производилось товарное зерно. Так, в 1913 году на российский рынок поступало 1300 млн пудов зерна, а в 1927 году государству удалось заготовить лишь 630 млн пудов. Речь идет о низкой технической оснащенности крестьянских хозяйств, преобладании экстенсивных методов в сельском хозяйстве, низкой среднегодовой урожайности зерновых. Вероятно, следует говорить о таком показателе, как внутренняя готовность крестьян к использованию интенсивных методов в хозяйствах.

К политическим предпосылкам коллективизации Бабашкин относит отсутствие дискуссии о выборе путей общественного развития (с. 156). Автор воспроизводит социально-политическую ситуацию в стране в связи с кризисом хлебозаготовок и раскрывает роль Сталина в определении курса на коллективизацию. Согласимся с выводом автора о том, что исход «борьбы между Бухариным и Сталиным во многом определялся позицией партийной олигархии — примерно 20–30 влиятельных, независимых и самостоятельно мыслящих людей, прежде всего, руководителей регионов» (с. 161). Анализируя письма крестьян во власть, Бабашкин фиксирует их отношение к политике власти, выявляет наличие сложной гаммы мотивов и настроений. Вполне понятно, что в их содержании явно прослеживается влияние коммунистических идеологов, и тем не менее наличие в них критики центральной власти свидетельствует о сохранении в крестьянском мировоззрении традиционных представлений. Но нельзя не согласиться с выводом, что общинную солидарность подрывали социальные ожидания крестьян, что деревня ждала иллюзорного чуда сверху — от центральной власти (с. 166–167).

В завершающем параграфе третьей главы Бабашкин представил коллективизацию как российский вариант модернизации аграрных обществ. Приведены сведения о государственной поддержке колхозов в период с 1927 по 1929 год и динамике их роста с 0,8% хозяйств до 3,9% (с. 168). В качестве стимулов выступали контракты с колхозами, крестьянскими обществами и кооперативами о сдаче товарного зерна государству. Для зажиточных хозяйств вводились твердые задания, а за их срыв практиковались огромные штрафы.

*П. С. Кабытов,
Н. Н. Кабытова*
«Есть у Революции
начало...»

В монографии воссоздана политическая ситуация в стране накануне и в начальный период коллективизации: выявлена роль Сталина, который в ходе раскрытия «Шахтинского дела» в публичных выступлениях стал говорить об обострении классово-борьбы. Подчеркивается значение XVI партийной конференции, конференции историков-марксистов, а также публикации в марте 1930 года в газете «Правда» статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов». Это были события, определявшие линию партии в период колхозного строительства, и ее суть заключалась в трансформации политики по отношению к крестьянству. В качестве основного средства реализации коллективизации Сталин обозначил раскулачивание зажиточных крестьян.

Реконструирована панорама протестных действий крестьян. Показана динамика крестьянских выступлений в 1930 году, в которых участвовало не менее 2,5 млн человек. Крестьяне осуществляли террор против партийных и советских чиновников, выражая таким образом протест против коллективизации, арестов и высылки «антисоветских» элементов. Приведены сведения об использовании крестьянами практик «оружия слабых»: уход в города, наймы на стройки пятилетки, поджоги домов, убий скота и др.

Не могут не поражать масштабы раскулачивания зажиточных крестьян: к концу 1930 года раскулачены 700 тыс. человек, а к концу 1931 года — 1 млн 800 тыс. человек (с. 181). Приводятся сведения о бегстве 207 тыс. крестьян из спецпоселений в 1932 году; 315 тыс. человек — в 1933-м. Бабашкин говорит о «Законе о пяти колосках» (как его называли в народе), на основании которого к началу 1933 года «было осуждено 54 645 человек, из них 2110 к высшей мере наказания. Расстрельные приговоры приведены в исполнение примерно в тысяче случаев. Судьи заявляли, что у них «рука не поднимается»» (с. 186). Актуально звучит вывод автора о том, что к 1932–1933 гг. «достигло предельной остроты вечное противостояние по линии фронта: «крестьяне — государственная власть»» (с. 187). Здесь же представлено видение Бабашкиным причин и последствий голода 1933 года. Однако следовало бы привести оценку этих страшных исторических событий таким авторитетным историком, как В. В. Кондрашин, который участвовал в дискуссиях по этим проблемам с зарубежными и украинскими историками. Подводя итоги коллективизации, автор показывает изменения в привычном образе жизни крестьян, говорит о существенной трансформации демографической ситуации в стране. Бегство крестьян в города расценивается как их пассивный протест.

Община перестала существовать и формально, и фактически. Обоснованно звучит вывод о том, что советская деревня «уходила от своего общинного состояния через коллективизацию, другого пути модернизации у деревни и у страны не оказалось» (с. 193). Но в то же время власть вынуждена была искать компромисс с крестьянством, а потому было разрешено крестьянам вести личное

подсобное хозяйство. На наш взгляд, это была своеобразная уступка — плата за лояльность крестьян к политике центральной власти. «На долгие десятилетия, — пишет историк, — личное подсобное хозяйство — ЛПХ становилось главным источником продуктов питания и денег для огромной части населения страны» (с. 196).

Научная значимость учебного пособия не вызывает сомнений. Проблемы, рассмотренные в нем, многие десятилетия вызывают громадный интерес как у представителей гуманитарного научного знания, так и у российского общества в целом. Рецензируемая книга открывает новый вектор в изучении ключевых событий отечественной истории первой трети XX столетия. Точные ссылки на приводимые в тексте пособия данные и цифры, а также цитаты из работ российских и зарубежных коллег заинтересованный читатель найдет как в упомянутой выше монографии Бабашкина 2007 года издания, так и в книге, изданной в 2011 году³.

*П. С. Кабытов,
Н. Н. Кабытова*
«Есть у Революции
начало...»

“Revolution has a beginning...”

Review of the book: Babashkin V.V. (2024) History of Russia. Peasant Revolution of 1902–1935: Patterns and Features of Russian Modernization: Textbook for Universities. 2nd edition revised and enlarged. Saint Petersburg: Lan, 204 p.

Pyotr S. Kabytov, Honored Scientist of the Russian Federation, DSc (History), Head of the Department of Russian History, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev. Moskovskoe Sh., 34, Samara, 443036.
E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru.

Nadezhda N. Kabytova, DSc (History), Professor, Department of Russian History, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev. Moskovskoe Sh., 34, Samara, 443036. E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru.

3. Бабашкин В. В. (2011). Россия 1902–1935 годов как аграрное общество: опыт применения концептуальных подходов современного крестьяноведения. Саарбрюкен: LAP LAMBERT Academic Publishing. <https://istina.msu.ru/publications/book/596471292/>